

УДК 81'373.21 + 81'374

Н. М. Ивашова

Уральский федеральный университет
spes2309@gmail.com

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И МЕТОДИКИ СБОРА ПОЛЕВОГО МАТЕРИАЛА (1900–1920-е гг.)

Ключевые слова: ономастика, топонимия, полевые исследования, методика полевого сбора топонимии, топонимическая лексикография.

Автор обращается к начальному этапу в истории топонимической лексикографии и полевого сбора топонимии в России. В статье подробно освещается дискуссия, развернувшаяся вокруг доклада И. П. Филевича «О разработке географической номенклатуры» на Археологическом съезде в Риге (1896), а также публикации 1920-х гг. с результатами топонимических исследований, в которых указывается важность изучения топонимии, обозначаются аспекты ее исследования и вырабатывается методика сбора материала.

Целенаправленная работа по собиранию и изучению географических названий в России началась с 20–30-х гг. XIX в. Списки топонимов, попытки толкования их происхождения и первые классификации появляются в отдельных публикациях, они характеризуются разными подходами к изучению топонимии и степени достоверности этимологического объяснения.

Систематическая деятельность по изучению географической номенклатуры в России началась примерно с 60-х гг. XIX в. Исследования выходили в отдельных изданиях, сборниках, журналах, таких как «Отечественные записки», «Древняя и новая Россия» и др., а также в самом авторитетном для того времени научном сборнике «Труды Археологического съезда» (съезд проводился в разных

© Ивашова Н. М., 2012

городах России раз в несколько лет). К концу века, когда был накоплен определенный, но, по масштабам России, мизерный опыт в составлении списков географической номенклатуры отдельных территорий, на Археологическом съезде, проходившем в Риге в 1896 г., был поставлен вопрос об организации общей планомерной работы по составлению словаря географической номенклатуры России.

В докладе И. П. Филевича «О разработке географической номенклатуры» декларировалась необходимость составления как можно более полных списков географических названий:

«Надо собрать номенклатурный материал, чтобы сделать возможной действительно научную его обработку. <...> Периодически кочуя по России, археологические съезды каждый раз близко знакомятся с известным ее районом, возбуждают и привлекают к научным исследованиям местные силы. Мне думается, что было бы возможно включить в число задач подготовительных комитетов приготовление номенклатурного словаря того округа (или известной его части), где должен собраться съезд. Таким образом постепенно подготовлялись бы материалы для словаря географической номенклатуры Восточной Европы, с территорией которой связано столько существенных вопросов, относящихся к древности, и где номенклатура играет известную роль. <...> Сразу о словаре и думать не следует: он все равно превратился бы в материал, только менее полный, чем местные словари. Кроме того, в таком сложном деле имеет существенное значение план, система расположения материала, между тем трудно заранее предусмотреть все подробности, иногда мелочи, которые могут иметь существенное значение. При предварительном изучении местных словарей, наилучшая система выработается естественным путем, да и самый материал легче обозреть. <...>

В этих материалах должны быть обозначены:

1. Названия вод текучих и стоячих с обозначением их природных особенностей.
2. Названия всех других живых урочищ, а также и рукотворных с обозначением их топического характера и примечательности.
3. Полный топографический список с обозначением при каждом названии его природного характера и принадлежащих к нему урочищ» [Филевич, 1899, 339].

Главной задачей на пути к реализации столь масштабного проекта представлялось накопление топонимического материала, должного в будущем стать основой для словаря:

«Надо прежде всего расширить, т. е. собрать материал, представляемый современной географической номенклатурой и надлежащим образом его разработать и только после этого приступить к расширению и углублению» [Там же, 334].

Необходимость решения такой важной и большой задачи нашла свое отражение и в обсуждении доклада И. П. Филевича. Были высказаны мнения относительно направленности и содержания будущего словаря, а также путей практического решения поставленных задач.

В частности, Э. А. Вольтер, «приветствуя предложение докладчика, сообщил об обильном материале по названиям обитаемых и необитаемых урочищ, собранных Латышским и Эстонским Обществами, и указывал на необходимость привлечения местных жителей для совершения громадной работы — составления

всероссийского списка. Целесообразно поэтому было бы, если бы докладчик выработал план вопросов списков, которые затем были разосланы, например, сельским священникам» [Филевич, 1899, 339].

В обсуждении также ставился вопрос об отборе материала и важности отдельных аспектов его изучения:

«Д. И. Багалай выражал благодарность докладчику за возбуждение вновь действительно очень важного вопроса, указывал, что докладчик придает слишком мало значения историческому элементу в разработке вопроса: чтоб пользоваться географической номенклатурой как историческим материалом, надо, прежде всего, осветить ее историческими сведениями. <...> Оппонент не противопоставляет изучение судеб древней номенклатуры России изучению новых названий, но главная задача — именно историческая, и должно по методу исключения отбросить тот материал, который к ней не относится и может только путать вопрос. Тогда останется материал не столь обширный, но чрезвычайно важный. <...> Следует в настоящее время обратить внимание на достижение полноты современного географического материала, но следует также собрать материалы для русского исторического словаря, продолжить работу Барсова» [Там же].

Сам И. П. Филевич настаивал на том, что географические названия следует «собирать с целью определения древнейшей территории племени» [Труды..., 1900, 89–90].

В исследованиях и предисловиях к словарям географических названий конца XIX — начала XX в. неоднократно указывалось, что в российской науке, в отличие от европейской, недостаточно исследований в области географической номенклатуры, в частности, мало обработанного материала, на основании которого должны проводиться научные исследования. На протяжении последующих двух десятилетий (1900–1910-е гг.) на отдельных территориях работа по составлению списков названий и их изучению велась, но в незначительном объеме, и каких-либо серьезных результатов достигнуто не было. Можно отметить всего несколько публикаций, где с разной степенью подробности описывается топонимия и обозначаются методики сбора местной географической номенклатуры. В силу исторических событий этого времени или по другим причинам работа по составлению словаря в общероссийском масштабе так и не была организована.

В 1920-е гг. работа по сбору топонимии и составлению списков названий заметно активизируется. Появляются публикации с результатами топонимических исследований, в которых указывается важность изучения топонимии, обозначаются аспекты ее исследования, вырабатывается методика сбора материала.

В 1926 г. была издана брошюра «Составление географического словаря Московской губернии (программа)», где обозначена важность сбора систематизированных сведений о географическом названии, помимо информации собственно географического плана:

«Для того, чтобы эта работа была выполнена в соответствии с требованиями (научного и практического порядка), которые можно выставить для такого предприятия, собрание

материала для описаний должно производиться по определенной программе, включающей минимум сведений, необходимых для описания каждой группы объектов. <...> Такая работа должна быть первой работой всякой краеведческой организации, стремящейся развивать свою планомерную исследовательскую работу» [Составление географического словаря..., 1926, 3].

Авторами сформулирована программа описания географического объекта, в том числе населенного пункта, реки, озера. В предварительных указаниях подчеркивается:

«Прежде всего, необходимо, кроме наиболее распространенного и общеупотребительного названия описываемого объекта, собрать все современные его названия, а по возможности и прежние с указанием каждый раз фонетического ударения слова. Далее... указывать его географические координаты. <...> На эти два условия необходимо обратить самое серьезное внимание» [Там же].

Программа описания географического объекта включает 12 частей. Приведем полностью первую часть описания населенного пункта: «Современное название, его современные и исторические варианты с указанием фонетического ударения слова. Происхождение названия» [Там же, 6]. Аналогична первая часть программы описания реки или озера: «Название и все современные варианты последнего. Происхождение названия» [Там же, 6–7]. Таким образом, сведения топонимического плана в проектируемом географическом словаре должны быть указаны регулярно и на первом месте. В программе указывается, что «работа в намеченном выше объеме может быть проведена при самом близком участии местных людей, хорошо осведомленных о всех особенностях тех или иных географических объектов, подлежащих описанию» [Там же, 4].

В журнале «Краеведение» в 1925 г. печатается статья Н. Поппе «О собирании географических названий», в которой много места отведено обоснованию важности изучения топонимии «в решении вопросов о племенном составе первоначального населения тех или иных областей» [Поппе, 1925, 286–287].

«И так как для окончательного решения всех этих вопросов необходимы исчерпывающие списки географических названий каждой данной местности, то отсюда вытекает необходимость организации собирания таковых. <...> Следует собирать все географические названия, не отдавая одних предпочтений перед другими. При этом, собирая названия, необъяснимые из русского языка или даже необъяснимые вообще, следует, конечно, осведомиться у местных жителей, не имеют ли непонятные названия все-таки какого-нибудь значения, отмечая попутно, что с тем или иным названием связаны легенды, которых вообще создается немало вокруг названий великих рек и озер, а также высоких гор» [Там же].

Автор призывает обращать внимание на «то, как называют ту или иную реку представители разных народностей» [Там же], сообщать сведения о взаимном расположении объектов.

«Что касается самой работы по собиранию всех этих материалов, то одно лицо вполне может вести ее в масштабе одной волости. Объединение же таких работников по уездам

или даже губерниям должны взять на себя местные краеведческие организации, от которых должна исходить инициатива в этом важном деле» [Поппе, 1925, 287].

В 1927 г. в серии программ и инструкций Иваново-Вознесенского общества краеведения и Костромского научного общества было напечатано «Наставление к изучению местной историко-географической (хорографической) номенклатуры» известного историка-краеведа М. И. Смирнова, в которой дан краткий обзор и некоторая классификация переславской хорографической номенклатуры, а также намечены дальнейшие пути ее изучения. Следующая публикация в 1929 г. «Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края» содержит те же инструкции по сбору материала и его классификацию, правда, несколько отредактированные с учетом последовавшего обсуждения и критических замечаний. Основной тезис, выделенный автором жирным шрифтом, гласит:

«В деле изучения хорографической номенклатуры своевременней всего накопление и соби́рание материалов, их классификация и вообще подготовительная и черновая работа, чем построение окончательных выводов и положений» [Смирнов, 1929, 4].

Автор сообщает, что соби́рание материалов производилось двумя путями:

«1) из рукописных документов и печатных изданий и 2) устно посредством опроса местных и других жителей. Что касается последнего метода, то соби́рание и записывание хорографических имен производилось лично составителем в 60 селениях уезда, кроме того, получены анкетные сообщения, в большинстве неполные, от учителей школ о 31 селении. Таким образом, остается широкое поле для соби́рания имен для тех, кто бы пожелал продолжить эту работу» [Там же, 5].

Далее излагаются собственные методы сбора материала и советы для других соби́рателей. М. И. Смирнов сообщает:

«...Путем опроса на местах записи производились большей частью попутно при краеведных заданиях и работах разного характера. Обычно беседа на эту тему велась в школе, избечитальне и пр. в большинстве случаев среди группы поселян, а иногда целого схода, и только в редких случаях индивидуально, с одним определенным лицом. Последнее случилось только тогда, когда опрос происходил вдали от того селения, о котором шла речь, или по каким-либо причинам нельзя было составить группу при посещении самого селения. При этом групповой способ обсуждения оказался наиболее продуктивным и гарантировавшим полноту и правильность произношения собираемого хорографического материала. Обычно бывало так, что то, что забывалось одним или неверно произносилось, восполнялось другим, поправлялось и подтверждалось присутствующими. Таким путем достигалась точность и полнота списка названий.

В этот список вносилось название самого селения, его улиц, концов, закоулков, дорог, речек, прудков, озер, при которых оно расположено, далее принадлежавших этому селению угодий: полей, лесов, лугов, выгонов, болот, оврагов, гор, долин, родников, колодцев, а также границ селения, или живых урочищ, или межевых знаков, как целых угодий, так и их частей (кварталов, полян и пр.).

Одновременно же шла речь о том, почему именно, кем и когда дано то или другое название, что оно обозначает. Выспрашивались объяснения, предания, а также случаи, бывшие

на памяти жителей и послужившие поводом для названия того или иного участка их владений. Вместе с тем выспрашивались частушки, прибаутки, в которых упоминаются относящиеся к тому или иному селению или местности хорографические имена. В этом случае роль собирателя тесно соприкасается с ролью этнографа-фольклориста, который должен производить свои записи фонетически с соблюдением всех лингвистических особенностей, как самого названия, так и относящейся к нему легенды. При этом могут встретиться искажения настоящей формы термина, их следует отмечать в своей записи и помещать в скобках или в виде примечания.

Самые записи вносились в записную книжку или тетрадку, а потом разносились по карточкам. Для каждого названия выделялась особая карточка, в которую записывались все относящиеся к данному термину: его настоящая форма и искаженная (если последняя была), исторические данные, легенда, существующие объяснения, источники, откуда заимствованы все помещенные тут сведения, от кого, где и когда произведены записи. При помощи этого рода карточек составлен приводимый в алфавитном порядке список хорографических названий» [Смирнов, 1929, 8–9].

Публикация вызвала большой интерес среди ученых, главным образом историков, краеведов, изучающих географические названия, и специалистов, ведущих подобную деятельность по собиранию материала в полевых условиях. В этом же 1927 г. в журнале «Этнография» С. Ф. Ольденбург в своем отзыве на «Наставление» М. И. Смирнова «настаивает главным образом на собирании топонимики и в качестве пособий для этого рекомендует работы А. Доза, Манера и Стентона, написанные одно на французском, другое на английском языках, считая, что русская литература по этому вопросу недостаточна» [Там же, 4].

Отвечая на отзывы, М. И. Смирнов, соглашаясь, отмечает, что «к сожалению, использовать иностранные топонимические руководства, живя в провинции, не пришлось, так как достать их не оказалось возможным, и в своей работе оставалось руководствоваться теми соображениями, которые высказаны ранее в “Наставлении”» [Там же, 4–5]. Также в данной публикации приводится список российских работ, среди которых упомянуты словари (Н. И. Березина, А. А. Ивановского), вступительные статьи к спискам географической номенклатуры отдельных территорий (Я. Грот, В. П. Семенов-Тян-Шанский, выдержки из ряда исследований, касающиеся собирания географических названий, прочие исследования топонимии (всего 17 работ).

Другой отзыв на «Наставление...» появляется в журнале «Краеведение» в 1928 г., его автор — профессор Саратовского университета, выдающийся историк С. Н. Чернов, название — «К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры». В отзыве подробно и детально, отчасти даже придирчиво, обсуждаются все положения «Наставления» М. И. Смирнова. В частности, автор отзыва предлагает расширить круг источников за счет людей, не относящихся к местному населению, но живших некогда в данных местах и могущих быть привлеченными к опросу.

«Нет надобности в ограничении “местного населения”, но есть надобность в выработке приемов предосторожности, с которыми надо вести опрос человека на месте: вести подроб-

ный опрос с картами или планами в руках и проверять сообщения осведомителя рядом конкретных сопоставлений, ...надо не только опрашивать его, но и вслушиваться в его разговоры и рассказы и уметь подмечать в них и вышелушивать из них нужный географический материал» [Чернов, 1928, 525].

Процитируем и другие, существенные моменты отзыва С. Н. Чернова, касающиеся методики собирания материала в полевых условиях, способов фиксации и систематизации данных:

«В книжечке (в «Наставлении». — *Н. И.*) не пояснено, что, собственно, значит записывать хорографические имена со всевозможной точностью, как они произносятся?» Значит ли это, что собирателю следует вести фонетическую запись, или значит что-то другое, тогда что именно? Как поступить, если осведомитель сообщает название в искаженном виде: надо ли поправлять его или нет? надо ли отметить, что название дано в неправильном виде, и если надо, и знаешь правильную форму названия, то надобно ли ее указать, или лучше не указывать? Я бы думал, что запись надо вести фонетически и отметить искаженность приводимого названия и его настоящую форму. Каким образом собиратель географических имен может дать ученому, который станет или специально изучать, или привлекать к другим специальным исследованиям собранный им материал, возможность проконтролировать точность его записи, и лучше осмыслить изучаемое название в свете языка осведомителя или документа. <...> Такую возможность легко представить исследователю простыми цитатами живой речи осведомителя или текста документа. Следует обязательно записывать, а не только отмечать или пересказывать, потому что могут ускользнуть на первый взгляд мелкие или даже мелочные подробности объяснений, в которых иной раз и находится зерно или отражение некогда бывшей действительности или хотя бы путь к пониманию процесса сложения или источников и форм заимствования. Важно знать и то отношение, которое имеется у осведомителя, или вообще у местных людей к этим объяснениям, легендам и преданиям, поэтому в интересах работы исследователя собиратель должен рассказать ему о своем отношении с приведением своей и чужой аргументации» [Там же, 525].

Автор отзыва подчеркивает важность умения «производить запись чужих слов и целых чужих рассказов. Всякий собиратель работает не только для современных, но и для будущих исследователей» [Там же].

Критическим замечаниям подвергается указание данных об осведомителе. Призыв Смирнова «отмечать... от кого или откуда, где, когда и кем» собраны предлагаемые вниманию исследователя географические названия, оставляет в стороне вопрос о том, что конкретно нужно «отмечать».

«Достаточно ли указать имя, отчество, фамилию и адрес осведомителя или необходимо знать и биографию, духовный облик и социальную физиономию осведомителя. Если так, то перед собирателем географических названий встает новая большая задача: научиться составлять биографии своих осведомителей и таким образом интерпретировать свои письменные источники, чтобы уметь представить место, время и среду возникновения, а также и самую личность автора каждого из них. Пожалуй, в некоторых случаях можно упрощать эту сложную задачу: можно не требовать, скажем, от собирателя биографии осведомителя и ограничиться лишь сводкою некоторых данных о нем, рисующих или позволяющих другому нарисовать социальную фигуру и культурный облик осведомителя, но эта задача тоже очень большой сложности, требующая осторожной вдумчивости и внимательной осторожности, как бы, с одной стороны, не спугнуть неосторожным вопросом осведомителя

или его земляков и знакомцев, а с другой — как бы не сбиться на бесплодный трафарет анкеты» [Чернов, 1928, 526–527].

Рассматривая далее ряд вопросов, предложенных М. И. Смирновым для облегчения работ собирателя, критик отмечает, что недостаточно спросить, на какой реке расположено селение, забывая, что есть ручьи, колодцы, ключи, требует также конкретизации видов географических объектов (населенные пункты, урочища), подчеркивает, что необходимо собирать номенклатуру населенных и ненаселенных мест. Слишком кратко в инструкции сказано по поводу «правильной по существу рекомендации “В целях удобства дальнейшей разработки полученных сведений... записывать их на отдельные карточки, а также наносить на планы и карты”»:

«Как предполагается заносить на карточки названия одного и того же места, собранного одним лицом: все на одну карточку или каждое на особую? Хочется думать, что последнее. Неясно, что представляет собой самый формуляр карточки и обработанная запись различных дополнительных сведений, о необходимости собирать которые говорится в “Наставлении”. Автор «рекомендует обследовать названия со стороны структуры и фонетических особенностей. В биографии отдельных названий отмечены сокращения числа звуков, перестановка слогов и отдельных звуков, описки и переименования. Эти требования будут приняты во внимание и всяким собирателем географических названий, и всяким их исследователем. Как и совет не братья без специальных лингвистических познаний за труднейшее из дел — “расшифрование” непонятных географических терминов на русском и особенно на других языках» [Там же, 529–530].

Примечательно, что критический отзыв на обобщение практического опыта известного историка-краеведа переходит в призыв к коллегам, местным краеведам и ученым-академикам вести совместную исследовательскую деятельность.

«Книжечка, открывающая пути к собиранию и изучению географической номенклатуры, сама выросла из упорной работы своего составителя на той тяжелой и очень неблагодарной ниве, пути к которой она сама открывает другим. Не ставит ли она вопроса о возможности наладить планомерную и широко поставленную работу по собиранию и изучению географической номенклатуры нашей страны? Конечно, нашим ученым учреждениям — и прежде всего нашей Академии наук — надо будет взять на себя нелегкое дело организации рассыпанной работы краеведов мест в огромную и увлекательную общую работу. <...> Ученые, без поддержки работы и руководства которых обойтись невозможно, от такой работы не откажутся. <...> Автору этих строк не один раз по разнообразным надобностям приходилось окунаться в чужие поиски и бродить по дорогам чужих изысканий в узорчатых областях географической номенклатуры и ее использования в лингвистических, этнографических, историко-географических и иных исследованиях. И он с сожалением должен сказать, что даже крупнейшие и наиболее выдающиеся специалисты не только прошлых лет, но и нашей современности в этих поисках очень часто ходят весьма рискованными путями и приходят к выводам, которые, несмотря на иногда огромный авторитет исследователей, быстро отменяются наукой. Это показывает, что методы исследования данных географической номенклатуры еще не установлены. <...> Краевед может проделать работу большой полезности на месте при хорошем руководстве нескольких специалистов (лингвист, этнограф, историк, географ)» [Там же, 532–533].

Цитируемые отрывки достаточно эмоционального, но конструктивного отзыва показывают заинтересованность не только в обсуждении результатов деятельности коллег, но и готовность организовать общероссийскую работу по сбору и исследованию топонимического материала по единым, выверенным общими усилиями принципам. Нельзя не отметить у М. И. Смирнова и С. Н. Чернова ответственного отношения к установлению этимологии названий и понимания проведения большой предварительной работы на местах, необходимой для серьезного исследования. Как видно из всех данных публикаций, работа по совершенствованию методов изучения топонимии успешно велась, и ее результаты внушали оптимизм:

«Если наш призыв к организации работы по собранию и изучению географической номенклатуры в общегосударственном масштабе будет услышан и принят, если при этом местным работникам будет обеспечено хорошее руководство, а они впитают в себя мудрую осторожность, еще наше поколение, думается мне, сможет много сделать, чтобы подойти к той торжественной минуте, когда перед будущими поколениями раскроются ныне только что разгадываемые языки матери-земли, и зазвучит верным переводом с них “чудная повесть” о прошлом ее самой и ее детей — племен и народов» [Чернов, 1928, 533].

К сожалению, поколению ученых начала 1900–1920-х гг. не удалось продолжить свою работу, и все достигнутое в области изучения топонимии было забыто, а дальнейшее изучение географических названий отодвинулось на несколько десятилетий. В 1930 г. выдающийся историк Михаил Иванович Смирнов (1868–1949) был арестован, его деятельность была признана контрреволюционной, а в 1931 г. он был сослан на три года в Туруханский край. В родную Переславщину он уже не вернулся, хотя продолжал свои исследования, которые при его жизни так и не были опубликованы. Сергей Николаевич Чернов (1887–1942), видный российский ученый, профессор Саратовского государственного университета, стоявший у истоков декабриствоведения, заложивший в Саратове основы научного краеведения, за открытость, независимость в оценке происходящего, преданность нравственным идеалам был отстранен от должности профессора и изгнан из университета. Деятельность краеведческих организаций в стране была признана контрреволюционной и прекращена в начале 1930-х гг.

1920-е гг. следует считать временем завершения начального этапа изучения собственно названий географических объектов, формирования топонимии как науки и методов ее исследования.

На основании полученного опыта по изучению происхождения географических названий исследователи приходят к выводу, что предварительно следует провести большую и максимально исчерпывающую работу по сбору материала с учетом всех специфических характеристик топонимии и аспектов ее изучения. В связи с этим была признана необходимость, с одной стороны, разграничения функций краеведа-собирателя и ученого-интерпретатора и, с другой — консолидации общих усилий для достижения серьезных научных результатов. Была

(в основном) сформирована методика сбора топонимии, определены типы сведений о названии (как лингвистического, так и энциклопедического плана), методы обработки материала. В ходе обсуждения методики сбора топонимии происходила подготовительная работа по выработке будущей концепции и структуры словарной статьи топонимического словаря.

- Поппе Н.* О собирании географических названий // Краеведение. 1925. № 3–4. С. 285–287.
- Смирнов М. И.* Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края. Переславль-Залесский, 1929. (Тр. Переславль-Залес. ист.-худож. и краеведного музея. Вып. 11).
- Составление географического словаря Московской губернии : программа. М., 1926.
- Филевич И. П.* О разработке географической номенклатуры // Тр. X археологического съезда в Риге. 1896. М., 1899. Т. II. С. 327–339.
- Труды X археологического съезда в Риге. 1896. М., 1900. Т. 3. С. 89–90. (Протоколы.)
- Чернов С. Н.* К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры: по поводу брошюры М. И. Смирнова «Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры». Иваново, 1927 г. // Краеведение. 1928. № 9. С. 524–533.

Рукопись поступила в редакцию 24.12.2011 г.

N. M. Ivashova

Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)
spes2309@gmail.com

**TOPONYMIC LEXICOGRAPHY AND METHODS
OF FIELDWORK MATERIAL COLLECTION (1900–1920s)**

Key words: onomastics, toponymy, field studies, material collection methods, toponymic lexicography.

The author studies the early stage of the history of toponymic lexicography and field studies in Russia. More particularly the article focuses on the discussion provoked by I. P. Filevitch's report "On elaboration of geographic nomenclature" at the Archeological Congress in Odessa (1896), as well as on some publications of 1920s containing results of toponymic research, revealing the importance of collecting toponyms, considering different aspects of toponymic studies, elaborating methods of fieldwork.